

Царское гадание

Исторический роман из эпохи царствования Николая I

Соколова А. И. Царский каприз. -- М.: ТЕРРА, 1995. -- (Тайны истории в романах, повестях и документах).

[OCR Бычков М. Н.](#)

I

ДЕРЖАВНЫЙ "СОЛОМЕННЫЙ ВДОВЕЦ"

Польский мятеж был усмирен. Призрачная власть неугомонного польского царства исчезла с европейского горизонта, и император Николай I успокоился. Он успокоился как властолюбивый монарх, гордый повелитель миллионов подданных, но не успокоился и не мог простить как человек. Он возненавидел Польшу всюю силою своей души, всем порывом своей гордой и страстной натуры.

Эту ненависть бессильны были победить и рассуждения глубокого ума, и беспристрастная оценка современной истории, и даже нежные и заботливые увещания его доброго гения, императрицы Александры Федоровны, которую Николай I боготворил и слово которой было для него законом. Увы, здесь и она оказалась бессильной.

Ненависть Николая Павловича к Польше была сознательная, глубокая и притом вполне оправдываемая. Он ненавидел Польшу и поляков так, как они сами ненавидели его.

Он не останавливался в своих карах, как и они, его подневольные вассалы, не остановились бы перед его личной гибелью, если бы она на одну минуту оказалась в их власти.

Государь был не только разгневан польским мятежом и оскорблен им. Против него никогда еще никто не осмеливался открыто восставать; поляки первые подняли против него свои непокорные, гордые головы.

И Николай Павлович воздал полякам должное за это.

Мятеж потух; затихли звон оружия и пушечная пальба, перестала литься кровь, но злоба и месть еще жили во властной душе государя, жили тем сильнее, что им почти не было исхода. Император не говорил о Польше почти ни с кем, никому не доверял своих личных мыслей и впечатлений и только в беседах с кроткой и любящей супругой порою еще высказывал те чувства, которые мучительно жили в его душе.

Императрицу он любил пламенно, всеми силами своей могучей души; но он был человек, и притом сравнительно молодой, во всей силе могучей жизни и страсти, а потому наряду с чувством любви к подруге жизни в нем вспыхивали порою и порывы бурной страсти к женщине.

А между тем со времени рождения последней дочери все доктора, пользовавшие императрицу, единогласно осудили ее на полное безбрачие.

Хрупкий организм государыни, потрясенный в день мятежа на Сенатской площади 1825 года, когда ее супруг на ее глазах передал своего маленького наследника под защиту верного престолу гвардейского полка, не мог уже быть вполне восстановлен. В первую минуту у Александры Федоровны от сильного испуга задрожала голова, и этот нервный жест, ранний признак старости, остался до конца ее дней. Она, грациозная, гибкая, всегда жизнерадостная, выходила в дни придворных балов в сказочных роскоши туалетах, с улыбкой счастья на красивом лице и с красиво причесанной, убранной цветами, но трясущейся головкой.

Государь страдал от этого болезненного припадка, только с большим трудом мог привыкнуть к нему, но молча, покорно подчинился строгому приговору представителей медицинской науки и в интимных разговорах с грустной улыбкой называл себя "соломенным вдовцом".

Это вдовство, само собой разумеется, соблюдалось без особой строгости. Проскальзывали маленькие эпизоды почти невольной неверности, над которыми сама императрица прежде всех дружески смеялась и шутила, не придавая им никакого серьезного значения. Она знала, что минутное сближение с